

УДК 94(47).072.5
ББК 63.3

**ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА ПО ОТНОШЕНИЮ
К ВОЕННОПЛЕННЫМ НАПОЛЕОНОВСКОЙ АРМИИ В 1812–1814 гг.
(на материалах Астраханской губернии)**

Е. Г. Тимофеева

Победа России в войне с Наполеоном продемонстрировала общенациональное сплочение пред лицом грозного нашествия, беспримерную жертвенность народа — главного «решителя» военных кампаний. Эпоха Отечественной войны 1812 г. имела переломное значение для истории и культуры России, связав судьбы общества и государства, центра и провинции, изменив общественное сознание.

Астраханская губерния находилась далеко от театра военных действий. Губернский город Астрахань выступал надежным форпостом на южной границе государства, был наполнен военными разного рода войск, здесь бурлила торговая жизнь, звучала разноязычная речь, сюда стекались товары из Хивы, Бухары, Персии. По численности населения (более 30 тыс. человек) Астрахань входила в пятерку крупнейших российских городов, являясь транзитным центром торговли с Востоком.

В период войны 1812–1814 гг. Астраханская губерния, наряду с другими, назначалась местом пребывания военнопленных. На губернские власти ложилась ответственность по их размещению, снабжению одеждой и обувью, выплате жалования, оказанию врачебной помощи и надзору.

По распоряжению Астраханского гражданского губернатора С. С. Андреевского пленных планировали разместить как в губернском, так и в уездных городах: Черном и Красном Яру, Енотаевске. Астраханский городской голова Петров в октябре 1812 г. рапортовал губернатору о возможности расселения их как по «обывательским квартирам», так и по военным казармам (каменных Армянских, Рождественских и Кремлевских). Срочно были освобождены Рождественские казармы, занимаемые морскими служащими 86-го корабельного экипажа и Каспийского батальона. Их вместе с женами и детьми разместили в Цареве в домах татар. Поскольку специально обустроенных зданий в уездных городах не было, планировали расселить пленных в домах обывателей под надзором полиции,

проводя каждым субботним утром переключку военнопленных.

Астраханская казенная палата выделяла деньги (жалование) на содержание пленных. Так, в соответствии с принятыми нормами генералы получали по 3 рубля в сутки, полковник и подполковники — по 1 рублю 50 копеек, майоры — по 1 рублю, обер-офицеры — по 50 копеек, солдаты («нижние чины») — по 5 копеек. Последним полагался и месячный провиант (мука, крупа) [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 334. Л. 2, 5, 6об., 27, 41–46, 96–96об., 123, 134об., 160].

Заведывание военнопленными возложили на губернского уголовных дел стряпчего Г. Змиева, зарекомендовавшего себя успешным исполнением порученных дел. В самой Астрахани за пленных «отвечал» штаб-капитан Курбатов, в марте 1814 г. его сменил кассир коммерческого банка Г. Стукальский [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 334. Л. 134; Д. 1202. Л. 349–349об.].

Первую партию военнопленных 19 ноября 1812 г. привел в Астрахань из Киева через Тамбов майор Грушевский. Поход продолжался три месяца и 20 дней. Конвойная команда доставила одного штаб-, 15 обер-офицеров и 261 солдата (12 человек, оставленные «за болезнью» в Царицыне, прибыли в г. Астрахань в январе 1813 г.). Это были поляки, французы, пруссаки, саксонцы, голландцы, итальянцы, испанцы. Офицеров разместили на Казачьем бугре, рядовых — в старых¹ казармах (Армянских и Рождественских) [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1202. Л. 186; Д. 1188. Л. 139–142об.].

После недельного пребывания в плену рядовым испанцам полагалась прибавка в 10 копеек, поэтому они, в отличие от остальных солдат, получали по 15 копеек в сутки, поскольку испанцы отважно боролись с Наполеоном, который по этой причине вынужден был держать большой воинский контингент в этой стране. Уже в январе 1813 г. испанские пленные были освобождены

¹ Новыми считались недавно отстроенные казармы в Астраханском кремле.

ны и покинули Астрахань вместе с пруссаками [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 334. Л. 58; Д. 1188. Л. 118об.].

Караульная служба состояла из 1 обер-, 2 унтер-офицеров, 22 рядовых Астраханского гарнизонного полка. Девять унтер-офицеров — «наблюдателей» — находились внутри казарм «безотлучно». «Добропорядочные старые солдаты» призваны были предупреждать возможные беспорядки, заниматься раздачей дров, провианта и «ни под каким предлогом не давать пленным отлучаться из казарм» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 334. Л. 135об.–136, 138].

Для прибывших поляков Астрахань являлась транзитным пунктом в их дальнейшем следовании на Кавказ, в г. Георгиевск. Однако долгие переходы стали причиной появления многочисленных болезней среди пленных. Большинство из них не имели соответствующей сезону одежды, были «оборваны, одеты в рубище», а начавшиеся ранние морозы определили решение правительства оставить пленных в Астрахани до весны 1813 г. Предстояло обеспечить их теплой и прочной одеждой и обувью.

Пленникам полагалась шапка из простого сыромятного сукна, полушубок овчинный, кафтан или армяк, штаны армяжные, рубашка, онучи крестьянские, рукавицы, лапти. Офицерам давали вместо полушубков овчинные тулупы, вместо кафтанов — шинели, впрочем, одежду они вполне могли покупать сами. «Казенный интерес» стремились соблюдать во всем.

Астраханский гражданский губернатор С. С. Андреевский принял решение о расходе суммы в 6 000 рублей, взятой из пожертвований, сделанных астраханцами на нужды войны (более полумиллиона рублей). Одежду для военнопленных либо шили на заказ, либо покупали. Годилась и крестьянская одежда, крепкая и прочная. С ослаблением холодов «за счет казны построенные» зимние вещи изымали и хранили «до времени». Экипировку пленным поручили смотрителю рыбной экспедиции Г. Русинову [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1188. Л. 4об.; Д. 334. Л. 140, 173, 240–241, 290].

В декабре 1812 г. из Тамбова под конвоем чиновника Нудольского в сопровождении двух рядовых в Астрахань прибыли именитые пленные: два генерала, три штаб- и два обер-офицера.

Французский бригадный генерал барон Жан Батист Пелетье и польский бри-

гадный генерал граф Тадеуш Тышкевич принадлежали к 5-му корпусу князя Понятовского. Первый попал в плен 22 октября под Вязьмой, второй — 13 октября 1812 г. под Медынью. Т. Тышкевич до окончания срока плена жил в Астрахани, Ж. Пелетье в октябре 1813 г. перевели на жительство в Красный Яр. Он свободно перемещался по городу, был гостем в домах дворян, давал уроки французского языка, занимался рыбной ловлей, жил в отведенной квартире со своим денщиком. Среди прочих пленных офицеров в Астрахани находились полковник Мора, подполковник Цван, штаб-лекарь Мильдо, подпоручик граф Салюс, поручик граф Норбон и др. [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 334. Л. 252, 261].

Такое большое количество именитых пленников беспокоило губернатора С. С. Андреевского. 19 декабря 1812 г. он писал Главнокомандующему в Санкт-Петербурге С. К. Вязмитинову, что хотя все военнопленные чиновники оставлены в Астрахани «под приличным надзором и наблюдением», неизвестно, какое влияние они окажут на население города, наполненного «разных наций азиатским народом». В целях безопасности просил отправить пленных в уездный город Красный Яр, огражденный со всех сторон водной преградой. Из столицы ответили, что этот вопрос может разрешить сам губернатор, и в г. Красный Яр был перемещен ряд военнопленных наполеоновской армии.

Например, в начале февраля 1813 г. из Армянских казарм в Астрахани отправили на жительство в г. Красный Яр 100 человек нижних чинов в сопровождении конных казаков. Экипированы они были должным образом: фуражки, армяки, панталоны серого сукна, рукавицы, овчинные тулупы, холщевые рубашки, серые суконные онучи, лапти в количестве 2 пар. Красноярский городничий Богомолов, чтобы обеспечить 100 человек пленных продовольствием, занял деньги из «градских доходов» — 195 рублей 11 копеек [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1188. Л. 209–223; Д. 1218. Л. 15; Д. 334. Л. 265об.–266].

В освободившихся двух комнатах Армянских казарм разместили переведенных с Казачьего бугра 16 офицеров из первой партии военнопленных. Стряпчий Г. Змиев испрашивал разрешения губернатора о свободном посещении пленными домов горожан, приглашавших их в гости. Обыватели должны были относиться к пленным

«ласково и человеколюбиво», а пленным следовало вести себя «смирно и добропорядочно» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2 Д. 1188. Л. 206]. Газета «Восточные известия», издаваемая в Астрахани с 1813 г., писала о прибытии пленным в губернский город и о том, что они остались «весьма довольны» приемом [Тимофеева 1996: 226–227].

Третью партию военнопленных, шедшую из Рязани через Тамбов, доставил подпоручик Мартынов в январе 1813 г. Это был тяжелый переход. Из 466 человек, отправившихся в путь, до Астраханской губернии дошли 243 пленным. Всю партию оставили в уездных городах: в Черном яру — 159 человек и Енотаевске — 84 человека. В связи с задержкой денег на содержание военнопленных хозяева домов снабжали их пищей до поступления нужных сумм. В этой же партии находились 6 женщин. Из 17 женщин, отправленных в Астрахань, три умерли на марше, 8 — были оставлены в Саратове по болезни. Поначалу они не получали жалования, а только «кормовое довольствие». Впоследствии решили женщинам-солдаткам выдавать по 5 копеек в сутки [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1188. Л. 234, 237–243; Д. 1218. Л. 126].

Пленным «природным» французам, итальянцам, голландцам предложили в январе 1813 г. поступить на российскую службу. Никто из них в «оную», однако, вступить не согласился [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1188. Л. 151–151об.].

Зимой 1813 г. передвижение военнопленных приостановили. Пленники нуждались в отдыхе, теплой одежде, лечении. Нужно было распределить ресурсы для их содержания, привести в порядок отчетность, свидетельствующую о количестве пленным, их национальном составе, занятиях, званиях, родах войск и др. Согласно рапорту от 15.02.1813 С. С. Андреевского С. К. Вязмитинову, в Астраханской губернии находились в статусе военнопленных 2 генерала, 3 штаб-офицера, 24 обер-офицера (17 поляков, 10 французов, саксонец, австриец), 491 рядовой наполеоновской армии [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1498. Л. 1].

В апреле 1813 г. из г. Саратова штаб-капитан Корнеев доставил в Черный Яр 199 человек нижних чинов и 5 женщин. В мае того же года очередная партия военнопленных прибыла из Саратова в Астрахань (11 обер-офицеров, 5 рядовых) под «присмотром» квартирному надзирателю Скворцова.

В июне 1813 г. в губернский город прибыли сразу три партии военнопленных. Прапорщик Савин, следуя из Балашова с пленными поляками, доставил 1 обер-офицера и 102 рядовых (один солдат был оставлен в Черном Яру из-за болезни). Губернский секретарь Ламухин, сопровождавший из Саратова в Астрахань 112 военнопленных поляков нижних чинов, доложил, что один пленный бежал, другой умер в пути. Из Саратова же титулярный советник Малов доставил 200 военнопленных нижних чинов, 14 женщин и малолетних детей. Прибывших разместили в казармах. В августе 1813 г. из Вологды прибыли 2 штаб-, 22 обер-офицера, 12 рядовых и одна женщина. Весной 1814 г. в Астрахань доставили еще 126 человек «неустановленных званий и наций» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 963. Л. 3–4об.; Д. 1014. Л. 15, 97–97об.; Д. 1202. Л. 6, 20об., 29, 30, 37–38; Д. 1212. Л. 1–12; Д. 1513. Л. 1, 24].

Наступление зимы потребовало обеспечить военнопленных теплой одеждой и обувью. Осенью 1813 г. из Санкт-Петербурга последовало разрешение для пленным офицеров, получавших по 50 копеек в день на свое содержание, и солдат, не имевших других способов одеть себя «по старости или увечью», получить для этих целей пособие. Первым полагалась сумма в 100 рублей, солдатам — 10 рублей. Этим правом воспользовались 32 обер-офицера (32 тыс. руб.) и 13 рядовых (130 руб.) [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1202. Л. 192].

Для пошива одежды ткани закупали у астраханских купцов. Так, в мае 1813 г. от купца Алексея Сапожникова «приняли» 655 аршин сукна и более 3 022 аршин холста для «построения приличной одежды» для поляков, прибывших из Черного Яра. У него же летом 1813 г. закупили 1 000 аршин сукна для пошива курток, панталон, фуражек, в «коих был совершенный недостаток» у 212 поляков, прибывших из Саратова и Балашова. Астраханскому мещанину М. Михайлову «выдали» 100 рублей за купленные у него 500 пар лаптей для 250 пленным [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1202. Л. 37, 158, 159].

Дополнительной проблемой для местных властей стала достойная экипировка освобождавшихся из плена людей. Первыми покидали Астрахань 7 рядовых (пять испанцев и два пруссака), а также штаб-лекарь Мильдо и 15 пруссаков, размещенных в

Черном Яру. Одежда испанцев была ветхой, «к употреблению не годной», равно как сапоги и чулки. Решено было всех снабдить овчинными тулупами, армяками, холщевыми рубахами, панталонами, фуражками из серого сукна, рукавицами, сапогами и суконными онучами.

Для марша к месту назначения на каждые 12 человек полагалась одна подвода, для больных — подвода на 2 человека, для 2 офицеров — одна подвода. Черноярский городничий Усовский сообщал, что на экипировку 15 пруссаков издержано было 236 руб. 25 коп. В марте 1813 г. обмундированных надлежащим образом пленных доставили в Царицын. Испанцев отправили в Санкт-Петербург, пруссаков — в Ригу. Проходя через территорию Войска Донского, один из пруссаков в дороге умер, так и не увидев родины [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1519. Л. 2, 13–13об., 14, 34–34об., 39–39об., 43–44].

Крайняя нужда пленников в одежде требовала серьезных денежных затрат, а потому на очередной рапорт черноярского городничего о нехватке одежды губернатор заметил, что на «сии надобности» пленные должны зарабатывать деньги «трусами рук своих», занимаясь работами у местных жителей по добровольному и взаимному согласию.

Поступавшая в Санкт-Петербург информация с мест, где размещались пленные наполеоновской армии, свидетельствовала о фактах проявления «пьянства» и даже «лютовства» (Вятская губерния) со стороны пленных. Во избежание возможных беспорядков из-за пагубных пристрастий решено было употреблять их «в городские работы», выдавая деньги из городских доходов. В Астраханскую городскую думу направили запрос о видах деятельности, в которых можно использовать труд военнопленных. Городской голова Плотников рапортовал вице-губернатору А. И. Коростовцеву, что военнопленные могут принимать участие в исправлении валов (Астрахани каждую весну грозило наводнение), в ремонте казенных домов, мостов, чистке труб, улиц, каналов для стока воды и др.

Не всегда пленные работали добросовестно. С жалобой на военнопленных, направленных для выполнения «канальных работ», обратился в августе 1813 г. известный астраханский благотворитель, надворный советник и кавалер И. А. Варвацкий, который за собственные деньги принялся

за окончание работ по обустройству канала, соединявшего реку Кутум и Волгу. Он писал, что пленные либо опаздывали, либо совсем к месту работ не являлись. Подобную жалобу принес Андреевскому и полицмейстер, только речь в ней шла о сооружении стоков для дождевой воды. Эти работы были «казенные», потому от Курбатова требовали строгости в исполнении поручения: назначать «в каждое место» от 15 до 50 военнопленных, предупреждать их о предстоящих работах вечером [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1212. Л. 81–83об., 102–102об.; Д. 1202. Л. 51, 68–68об.]. В апреле 1813 г. на городских работах по докладу полицмейстера были задействованы 123 человека за плату 10 копеек в день (12 руб. 30 коп.) [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1212. Л. 51, 83об.].

Пленным разрешалось наниматься «в услужение» к частным лицам без отлучения от предписанной губернии за определенную плату, что влекло за собой прекращение выплат «из казны денег и провианта». Списки с фамилиями таких лиц губернские власти должны были представлять в Министерство полиции. По докладу Курбатова в мае 1813 г. в Астрахани в «частном услужении» состояли 17 военнопленных, в Черном Яру — один человек [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1188. Л. 99–106].

Среди военнопленных французской армии, находившихся в Астраханской губернии, были представители различных профессий. В Черном Яру в феврале 1813 г. числились 2 портных, 4 сапожника, 4 кузнеца, 3 седельника, 2 столяра, 1 мыльщик, 2 музыканта, 2 шорника. 11 из них были французами, 2 — пруссаками, остальные — поляками. Те, кто был привычен к солдатской службе или не способен «к трудам другого рода», мог привлекаться к различным «простым работам» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1188. Л. 192–192об.].

Поляки выполняли разные городские работы за плату, находились в частном услужении, 10 — «на карантинной службе», 6 человек состояли при пожарной команде, 59 — были направлены в Экспедицию Астраханских соляных озер для охраны соли от расхищений. В августе 1814 г. начальник Экспедиции просил губернатора откомандировать от Астраханского гарнизонного полка хотя бы 20 человек вместо военнопленных поляков для охраны соли, приготовленной для отправки рыбопромышленникам. Расхищение обывателями

соли причиняло большой ущерб «казенному интересу» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 1. Д. 1. Л. 96].

Серьезной проблемой для губернской власти стало лечение военнопленных — раненых и больных. Сказывались на здоровье тяжелые условия войны, плена и переходов их одной губернии в другую, жизнь в непривычных климатических условиях, отсутствие должного количества врачей, медицинского персонала. Астраханской врачебной управе предписывалось назначить медицинского чиновника «на случай болезни» военнопленных.

Военного госпиталя в Астрахани, кроме состоявшего при Астраханском порту, не имелось, за исключением полкового лазарета Астраханского гарнизонного полка. В уездных городах дело обстояло еще хуже. В г. Красный Яр 1 марта 1813 г. направили лекаря Орловского из г. Астрахань для оказания помощи больным и снабжении их лекарствами. С. С. Андреевский предложил Астраханской врачебной управе рассмотреть вопрос о привлечении военнопленных врачей для лечения больных пленников. В Черном Яру лечить больных тоже было некому, поэтому решили привлечь к работе находившихся здесь двух медицинских чиновников: француза Леборна и поляка Вансовича, взятых в плен 16 сентября 1812 г. под Подольском [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1202. Л. 98; Д. 1188. Л. 122; Д. 1212. Л. 1–9].

В январе 1813 г. стряпчий Г. Змиев докладывал губернатору, что в числе пленников в Астрахани находятся два медицинских чиновника: штаб-лекарь первого класса «майорского чина» пруссак Мильдо и второго класса поручик, уроженец Богемии Бургоний. Они не только лечили тяжелобольных пленников, находившихся в больнице Приказа общественного призрения в губернском городе, но и осматривали ежедневно «здешних людей» (астраханцев) и военнопленных в казармах [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1188. Л. 8–11об., 34, 56, 58].

Вместе с тем губернатор предостерегал Врачебную управу от «излишеств» в тратах на лекарства при лечении пленников, призывал к использованию «домашних средств» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1188. Л. 7об., 58].

Слава военнопленного лекаря из Енотаевска, бывшего старшего помощника хирурга 2-го кирасирского полка Эммануэля Руссо, распространилась далеко за пределы

уездного города. В мае 1813 г. на имя губернатора С. С. Андреевского пришло письмо от князя Тюменя. Он просил губернатора прислать врача в Лебяжинскую станицу «под поручительство» на неделю для осмотра садовника, страдавшего «мучительным образом каменной болезнью». Ответ губернатора был логичен: нельзя отпускать находившегося под надзором полиции военнопленного. Вместе с тем он посоветовал больного отправить в Енотаевск для лечения к «помянутому лекарю» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1014. Л. 11–11об.].

В рапорте от 7 мая 1813 г. С. С. Андреевского к С. К. Вязмитинову сообщалось, что в губернских больницах за весь период пребывания в плену проходили лечение 160 человек, из которых умерли 15 рядовых. Погребение осуществляли по инструкции: «не менее 3 аршин глубиной и с насыпью над могилой» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1188. Л. 19; Д. 1202. Л. 374, 376, 380, 415].

Радение о душевном состоянии военнопленных со стороны Московского комитета Библийского общества проявилось в отправке в декабре 1813 г. в Астрахань нескольких экземпляров Нового завета: 5 книг на французском языке и 1 книги на итальянском языке. Из Санкт-Петербурга Библийское общество прислало еще 10 Библий и 49 Новых Заветов на французском, итальянском, немецком, голландском и греческом языках [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1498. Л. 2, 6].

Весной 1814 г. в Астраханской губернии военнопленные играли свадьбы. Например, в губернском городе обвенчались в католической церкви французский рядовой Елоа Дегру с уроженкой Данцига Анной Ковальской. В Енотаевске 26 мая 1814 г. поженились рядовой 12 кирасирского полка Жан Губер и дочь французского фуражира Жана Энкена Марианна Энкен, предварительно получив разрешение на свадьбу у астраханского губернатора. Приглашенный из Астрахани монах-иезуит обвенчал влюбленных, им были выданы подлинные свидетельства о браке «для представления куда следует». Так в Астраханском крае родились две новые семьи, созданные военнопленными. Известно, что Жан и Марианна прожили долгую и счастливую жизнь в одном из предместий Парижа [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1202. Л. 353].

Не всем удавалось после кровопролитных боев русско-французской войны найти свое счастье. Долго еще родственники

солдат Великой армии искали своих близких в российских городах. В марте 1813 г. в г. Астрахань Шарлотта де Жизанкур пыталась найти следы своих братьев: капитана 13-го легкого пехотного полка и драгуна французской гвардии. Известно, что старший брат был тяжело ранен в Бородинском сражении, находился в ноябре 1812 г. либо в госпитале в г. Смоленск, либо в одном из госпиталей между Вильно и Минском. Младшего брата видели в 30 верстах от Москвы, он посещал брата в госпитале в Можайске, у него были «озноблены» пальцы, и он остался из-за болезни в России. Губернатор дал поручение расспросить у пленных, не знакомы ли им разыскиваемые братья Шарлотты де Жизанкур. Однако чем закончилась эта история, неизвестно [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1202. Л. 365–365об.].

Некоторые из пленных приняли решение стать российскими подданными. В октябре 1814 г. в рапорте черныярского городничего упоминается о 15 военнопленных, пожелавших вступить с подданство России. 10 из них хотели «записаться» в астраханские, 3 — в саратовские, 2 — в красноярские мещане. На август 1814 г. среди поляков изъявили желание стать подданными России Франтишек Драк (аптекарь), Юзеф Горлатовский (портной), Якуб Филь (сапожник), Юзеф Гиршбергер (сапожник), Якуб Врублевский (сапожник), Алексей Александров (портной), Петр Брезета (портной), Антоний Кохановский (музыкант), Петр Кириллов (портной). Решение остаться в России приняли в 1813 г. находившиеся в плену голландец Пьер Гакино, француз Жан Ройер, итальянец Франсуа Гардин. Желание записаться в астраханские мещане двое последних подтвердили в марте 1814 г. В мае 1814 г. захотели записаться в астраханские мещане два французских рядовых — П. Денни и Ж. Гофман [Тимофеева 2012: 14]

Военнопленные писали и получали письма, хотя вся переписка держалась под строгим контролем, иногда и вовсе запрещалась («переписки иметь не дозволять» — следовало из предписаний С. К. Вязмитинова).

Астраханский губернатор в апреле 1813 г. обязал штаб-капитана Курбатова доставлять ему все письма пленных и пленным для рассмотрения, требовал выполнения распоряжений и «от почтовых» служащих. В июне Андреевский вновь под грифом «секретно» напоминал Курбатову о необходимости держать корреспонденцию

пленных под контролем, чтобы письма не проходили мимо губернатора. Более того, попросили составить именной список военнопленных для губернского почтмейстера Капорского, чтобы знал адресатов, находившихся под наблюдением. Если что-то вызвало сомнение или возникало иное подозрительное обстоятельство, следовало принять надлежащие меры [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1202. Л. 1–5об., 47].

Из Саратова в апреле 1813 г. пришло письмо для находившегося в Астрахани подпоручика Салюса. В январе 1814 г. два письма были написаны графом Салюсом на имя жены и дяди, находившихся в г. Бордо и содержавшие распоряжения по имению. Летом 1813 г. было доставлено из Москвы через Рязань письмо генералу Тадеушу Тышкевичу. О корреспонденции с Кавказа (Георгиевска, Моздока, Кизляра) губернский почтмейстер Капорский составил отчет вице-губернатору А. И. Коростовцеву. Находившийся в плену в Астрахани директор французских госпиталей Гурье просил отправить в Париж написанное им письмо жене. Астраханский губернатор обратился за разрешением в Петербург. Генерал Т. Тышкевич оказывал многим пленным полякам финансовую помощь. Просьбы об одолжении денежных сумм исходили, в основном, от находившихся на Кавказе польских офицеров. Так, в июле 1813 г. офицер Сковронский, находившийся в плену в Моздоке, писал Тышкевичу о тяготах плена, одолеваемых болезнях («гнилая лихорадка»), «бедности и недостатках», просил об одолжении ему 50 руб., напомнив и о просьбе («денежной помощи» в 200 руб.) другого пленного Блошинского.

Из Моздока офицер Домбровский в письме к находившемуся в Астрахани офицеру Кожуховскому также просил об одолжении денег у генерала Тышкевича на покупку «шубы». В Моздоке она стоила дороже: 30 рублей против 8 рублей в Астрахани [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1212. Л. 94–95об.].

Большое количество военнопленных в российских губерниях усиливало тревогу властей, нацеленных на пресечение побегов пленных, правонарушений, наказания за преступления. Требование к пленным вести себя «скромно и послушно» исполнялось далеко не всегда и не всеми. Бежали во время долгих и утомительных переходов, бежали от полиции, тягот плена, несостоявшей-

ся любви [ГА АО. Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1202. Л. 52–52об.].

За побеги грозили наказанием — отправкой на Кавказ и даже в Сибирь. В сентябре 1813 г. военнопленные, находившиеся в Астраханской губернии, были ознакомлены с правилами пребывания в плену, мерами наказания за побеги. За дерзкое поведение одного отвечали все. В июле в Астрахань прислали печатный экземпляр предписаний на французском языке. Ознакомившись с текстом, пленные поставили на нем свои подписи, что потребовало от них местное начальство.

Продолжительность пребывания в Астраханской губернии у военнопленных была разной. По мере развала наполеоновской коалиции, заключения договоров России с европейскими государствами освобождались из плена и граждане этих государств: испанцы, пруссаки, саксонцы и др. Их отправляли на Родину поэтапно, согласно предписаниям правительства.

В мае 1814 г. готовились к отправлению в Белосток 4 человека: генерал Тышкевич, подполковник Суминский, врачи Бургоний и Вансович. Черноярскому городничему 23 апреля предписывалось обеспечить приезд лекаря Вансовича в г. Астрахань. 15 мая именитые пленники покинули Астрахань.

К лету 1814 г. в губернии оставалось 123 военнопленных, не считая поляков. При подготовке к отправке французов в Белосток выяснилось, что у 22 из 25 обер-офицеров оказался «недостаток» в белье, одежде и обуви, в связи с чем им выдали по 25 руб. каждому на экипировку (всего 550 руб.). Нижним чинам (85 человек) на одежду и обувь отпустили 1 411 руб. 50 коп. Желание ехать в отечество «за свой счет» объявили генерал Пелетье, лейтенанты Ве-

жукс, Гранье, граф Салюс. В сопровождении казачьего старосты Рябова они прибыли в г. Белосток 25 июня 1814 г.

Партию, состоявшую из 1 штаб-, 15 обер-офицеров, 81 чел. нижнего чина и 6 женщин, сопровождал до Белостока коллежский асессор Жеребцов. Итальянцы следовали до Радзивиллова. Умершего в пути Жеребцова сменил титулярный советник Розин. Умер и один из рядовых военнопленных [ГА АО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 1. Д. 1. Л. 2 об, 32 об, 51–52, 131, 182, 196; Ф. 1. Оп. 3. Т. 2. Д. 1202. Л. 352].

С сентября по декабрь 1814 г. Астраханскую губернию в трех партиях в направлении к Белостоку покинули военнопленные поляки: 604 человека нижних чинов и 14 женщин [Хомченко 2007: 174].

Таким образом, Астраханская губерния в течение 2,5 лет была местом ссылки более тысячи военнопленных наполеоновской армии.

Источники

Государственный архив Астраханской области (ГА АО).

Литература

Тимофеева Е. Г. Военнопленные Великой армии в Астраханской губернии в 1812–1814 гг.: новая тема интерпретации в региональной историографии // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 2(31). С. 11–15.

Тимофеева Е. Г. Участие астраханцев в защите Отечества. 1812 год / Ушаков Н. М., Щучкина В. П., Тимофеева Е. Г., Пилипенко В. Н. и др. // Природа и история Астраханского края. Астрахань: Изд-во Астрахан. пед. ин-та, 1996. С. 226–227.

Хомченко С. Н. Военнопленные армии Наполеона в Астраханской губернии в 1812–1814 гг. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Мат-лы XIV Всерос. науч. конф. М.: Полиграфсервис, 2007. С. 166–175.